

А. КУПРИН*

Ленин. Моментальная фотография (1919)

25 октября старого стиля 1917 года в управление всем Российским государством вступил Владимир Ленин и вот уже два года в полной мере самодержавно правит Россией. Он заключил

* *Александр Иванович Куприн (1870–1938)* — русский писатель, переводчик. После поражения Северо-Западной армии находился в Ревеле, с декабря 1919 г. — в Гельсингфорсе, где сотрудничал с газетой «Новая русская жизнь», с июля 1920 г. — в Париже. В 1937 г. по приглашению правительства СССР вернулся на родину.

позорный мир с Германией, он впустил германские полки разорять русскую землю, он порвал всякие дружеские отношения с нашими старыми союзниками англичанами и французами, он вместе с немцами устроил самостоятельную Украину, и он же источил русскую землю кровью, уничтожил десятки тысяч людей в тюремных застенках и под орудиями пытки палачей, он призвал наемных китайцев и латышей, чтобы пытать и уничтожать русских людей, он задушил русскую свободу и вернул Россию к самым темным временам бесправия, полицейского режима, пыток и казней. В страшные времена Иоанна Грозного русскому народу легче жилось и дышалось, нежели в Советской России в неистовые времена Владимира Ленина.

Кто посадил его на всероссийский престол? Маленькая кучка, человек в триста, никем не уполномоченных людей, исключительно петроградцев. Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, никем не уполномоченный выражать волю всей великой России. Кто избрал его? Никто. Его имя не было известно на Руси. Он появился уже после революции, появился из Германии, нарочно присланный немцами для разложения русского фронта. Он был обвинен в шпионстве и в измене, он должен был быть предан смертной казни, из-за него пролилась при Керенском 4 июля на улицах Петрограда невинная кровь, и тем не менее он — правитель с такими страшными правами, каких не имели и цари московские в самое старое жуткое время средних веков.

Кто же он такой? Чем держится он среди народа и откуда в одном человеке могла сосредоточиться такая страшная жажда крови, такая сатанинская ненависть к людям и презрение к чужим мукам, к чужим людским страданиям и чужой жизни?

В конце семидесятых годов в одной из приволжских губерний учились два брата Ульяновых, дети зажиточного местного помещика. Младший сын Владимир отличался тяжелым, мрачным, нелюдимым характером. Он не сходил с товарищами по классу, никогда никому не помогал. Учился он хорошо. Замкнутый в себе, он проявлял необычные в молодом возрасте признаки ненависти и презрения к людям, не к кому-нибудь одному, но вообще ко всем людям, ко всему человечеству. Его старший брат был замешан в покушении на цареубийство, судим и приговорен к смертной казни. Но он так хорошо, смело, открыто и благородно держал себя на суде, что тронул судей и прокурора, и прокурор составил для него прошение о помиловании. Надо было только подписать это прошение, и успех был бы обеспечен. Ульянов отказался подписать прошение.

К нему в темницу пришла его мать с младшим братом Владимиром. Всю ночь на коленях она простояла перед сыном с напи-

санным прошением, умоляя дать подпись под ним. Ульянов был непреклонен. Его не тронули ни мольбы матери, ни ее слезы, ни то, что она поседела за эти страшные дни суда и приговора. Молча, угрюмо, исподлобья глядя на мать и брата, наблюдал эту страшную сцену Владимир. На другой день Ульянов был казнен.

Владимир был замешан в процессе, оставаться дальше в гимназии он не мог. Он уехал за границу, в Швейцарию, где поселился очень уединенно. Он почти не отлучался из своего дома, читал книги, немного писал, о чем-то задумывался, но когда встречался с людьми и заводил свои речи, то такая ненависть, такое нечеловеческое презрение к людям сквозили в его словах, что самым крайним анархистам было с ним жутко.

Он был помешан.

Та страшная ночь, которую он провел в тюрьме накануне казни своего брата, мольбы и унижение его матери произвели на его мозг такое впечатление, что он сошел с ума.

И помешательство его было самое страшное потому, что не проявлялось ни в диких выходках, ни в страшной непонятной речи, — наружно Владимир Ульянов-Ленин был совершенно здоровым человеком, речь его была гладкая, ясная, но поражала страшными, необыкновенными выводами, поражала своим презрением к людям, доходившим до ненависти. Была в его речах, наконец, страшная, таинственная, почти непонятная жажда смерти, убийства, разрушения. Все, что мешало осуществлению его идеи, должно быть устранено, уничтожено. Это его слова повторит Троцкий в сентябре 1917 года: «Мы, большевики, поставим в конце Невского у Адмиралтейской площади громадную гильотину и отсечем головы всем тем, кто не пойдет с нами и за нами...»

Убийство и кровь не только не смущали Ленина, но они его радовали — он был сумасшедший.

И вот его-то, умалишенного, избрали немцы своим орудием для того, чтобы уничтожить Россию и так ее ослабить, чтобы немецкое засилье могло снова в ней водвориться. Ленин с фанатизмом сумасшедшего принялся за исполнение своего сатанинского плана.

Он приехал в Петроград. На Каменноостровском проспекте, во дворце Кшесинской, на балконе, обитом красной материей, освещенном красным электрическим светом, он начал говорить свои речи. Он говорил негромко, без пафоса, без оживления, но был в его речах страшный яд, разжигавший толпу. Он говорил тогда о прекращении войны с Германией, о мире и тут же объявлял непримиримую войну всем «капиталистам». В красном свете электрических фонарей, в алых отблесках кумача и сукна на его лице играла кровь. И эта кровь опьяняла толпу.

Все видели, что его проповедь разлагает фронт, что он подослан от немцев, уже добыты были данные, доказывающие, сколько он получил денег от Вильгельма на свою страшную работу, указывали банки, переводившие ему деньги из-за границы, и лиц, доставлявших ему банковские чеки. Все улики были налицо. Его оставалось только схватить и арестовать.

Керенский воспротивился этому. Тогда была «свобода». Тогда можно было сослать в Тобольск и томить в неволе царских дочерей и маленького отрока-наследника, тогда Кресты, Петропавловская крепость и Смольный монастырь были переполнены узниками, но арестовать Ленина было нельзя.

Ленин говорил свободные слова. Слишком свободные! С развязностью умалишенного он развязывал толпы от страха убийства. Убивайте, грабьте, берите, насилуйте, уничтожайте — все ваше, все принадлежит вам.

В нем сидел демон убийства...

И толпа заразилась его сумасшествием. Около него стали собираться подобные ему люди, люди, опьяненные кровью, и он царил над ними. Толпа насильников и убийц вознесла его на высоту и посадила на престол всероссийский...

На этом престоле, в Петрограде и московском Кремле, он был не первый сумасшедший. Правил Россию безумный Павел, на престоле Московском сидел сумасшедший Иоанн IV Грозный.

Ленин стал председателем исполнительного комитета народных комиссаров. И его сумасшедшая воля подавила их всех. Каждый понял, что его жизнь на волоске. Каждый понял, что для их председателя нет ни свойства, ни родства, ни заслуг прошлых, что поднимутся темные ресницы над глазами, полными глубокой думы, бездонными глазами умалишенного, откуда хохочет демон разврата и убийства, явятся члены Чрезвычайной комиссии, произнесет свой страшный приговор Революционный трибунал и тут же, подле, иногда в том же доме, где сидит Ленин, прольется кровь.

Призраки убитых по его приказанию людей его не тревожат. Пролитая им кровь его не душит. Его темный разум спокоен.

Он пишет свои декреты. В этих декретах он с настойчивостью сумасшедшего излагает устройство райской жизни для рабочих и крестьян. Имущество богатых роздано бедным, рабочие спят на пружинных матрацах буржуев, буржуи и буржуйки привлечены к труду на пользу рабочих, крестьянин обрабатывает сколько угодно земли. Женщины поделены поровну. Везде играет музыка, везде танцуют, везде веселье. Ленин счастлив. Он все национализует, все социализует, все роздал. Он сам живет хорошо,

ест сладко, пьет тонкие вина, ездит в царском автомобиле, живет подле Кремля, он окружен свитой, военными, народом, он ведет мир к счастью. С загадочной улыбкою сумасшедшего он кивает народам Европы, приглашая их сделать то же самое, что сделал он с русским народом.

Какое громадное, какое поразительное сходство с Иоанном Грозным! Тот в сумасшедшей ненависти преследовал бояр, повсюду ища крамолу, этот в такой же сумасшедшей ненависти преследует буржуев, всюду видя контрреволюцию. При том — толпа опричников с Малютой Скуратовым во главе, при этом — латыши и китайцы с Петерсом и Троцким. При том — раболепные бояре, и при этом — продавшиеся большевикам члены исполнительного комитета и изменники — чиновники и генералы...

Но есть и страшная разница. У Иоанна бывали минуты просветления, когда с ним смело говорили Сильвестр и Адашев, когда ему давали советы оставшиеся верными России и смелые бояре, Иоанна тяготили и жгли призраки замученных им жертв. Он шел в монастыри, он каялся, и были моменты, когда мог хоть на минуту вздохнуть спокойно русский народ.

У Владимира Ленина таких просветлений нет. При нем нет никого, кто бы сказал ему правду. Наглый еврей Троцкий пляшет перед ним и разжигает все больше и больше его ненависть к России. Исполнительный комитет взрывами восторга и нечеловеческого ржания приветствует каждый его декрет, каждое его сумасшедшее распоряжение.

Советская Россия — приют сумасшедших. Его окружили такие же сумасшедшие, его окружили уголовные преступники, и все вместе с ним пляшут дикий танец на трупах...

А русский народ? А солдаты красной армии, и голодающие крестьяне, и рабочие, и те недостойные вожди, которые их ведут, — скоро постигнут они весь ужас такого правления, скоро поймут они, в каком диком вихре кружит Россию сумасшедший Ленин, обращая ее в сумасшедший дом?

* * *

В первый и, вероятно, последний раз за всю мою жизнь я пошел к человеку с единственной целью — поглядеть на него: до этого я всегда в интересных знакомствах и встречах полагался на милость случая.

Дело, которое у меня было к самодержцу всероссийскому, не стоило ломаного гроша. Я тогда затеивал народную газету — не только беспартийную, но даже такую, в которой не было бы и намека на политику, внутреннюю и внешнюю. Горький в Пе-

тербурге сочувственно отнесся к моей мысли, но заранее предсказал неудачу. Каменев в Москве убеждал меня, для успеха дела, непременно ввести в газету полемику. «Вы можете хоть ругать нас», — сказал он весело. Но я подумал про себя: «Спасибо! Мы знаем, что в один прекрасный день эта непринужденная полемика может окончиться дискуссией на Лубянке, в здании ЧК», — и отказался от любезного совета.

Свидание состоялось необыкновенно легко. Я позвонил по телефону секретарю Ленина, г-же Фотиевой, прося узнать, когда Владимир Ильич может принять меня. Она справилась и ответила: «Завтра товарищ Ленин будет ждать вас у себя в Кремле к девяти часам утра».

Надо было заручиться удостоверением личности от какой-нибудь организации. Мне его охотно дали в Комиссии по ликвидации армии Южного фронта. (Все это происходило в начале 1919 года.) С ним я и отправился утром в Кремль. За мной, как за лоцманским судном, увязался один молодой московский поэт. Он составил какой-то календарь для красноармейского солдата и в этом издании, между прочим, высказал замечательную сентенцию: «Красный воин не должен быть бабой». Жена Ленина, г-жа Крупская, обиделась за женский коллектив и в «Московской правде» отчитала поэта. «У автора старорежимные представления о женщинах. Те женщины, которых выдвинула в первые красные ряды великая русская революция, ничем не уступают ее самым смелым и пламенным борцам-мужчинам». Поэт испугался и шел оправдываться. Для этого он держал под мышкой целую стопку каких-то прежних брошюрок.

В проходе башни Кутафьи мы предъявили наши бумаги солдатскому караулу. Здесь нам сказали, что тов. Ленин живет в комендантском крыле, и указали вход в канцелярию. Оттуда по каменной, грязной, пахнувшей кошками лестнице мы поднялись на третий этаж в приемную — жалкую, пустую, полутемную, с непромытыми окнами, с деревянными скамейками по стенам, с единственным хромым столом в углу. Из большой двери, обитой черной рваной клеенкой, показалась барышня — бледнолицая, с блекло-голубыми глазами, спросила фамилию и скрылась. Надо сказать, нигде нас не обыскивали.

Ждали мы недолго, минуты три. Та же клеенчатая Дверь слегка приоткрылась, и из нее наполовину высунулся рослый серьезный человек в поношенном пиджаке поверх черной косоворотки. Лицо у него было какого-то жесткого, желтого, дубового вида, черные, круглые, упорные глаза без ресниц, маленькие черные усы, холодное, враждебное и лениво-уверенное спокойствие в фигуре и движениях.

Подобного вида внушительных мужчин можно было видеть в качестве ночных швейцаров в самых подозрительных гостиницах на окраинах Киева, Одессы или Варшавы.

Идите, — сказал он и пропустил нас по очереди, оставляя между собой и дверью такую узкую щель, что я поневоле прикоснулся к нему. Мне кажется, будь у меня в эту минуту с собой револьвер, он сам собою, повинувшись магнитной силе этих черных глаз, высочил бы из кармана.

В эту дверь, налево.

Просторный и такой же мрачный и пустой, как передняя, в темных обоях кабинет. Три черных кожаных кресла и огромный письменный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например, медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской; белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите.

Он указывает на кресло, просит садиться, спрашивает, в чем дело. Разговор наш очень краток. Я говорю, что мне известно, как ему дорого время, и поэтому не буду утруждать его чтением проспекта будущей газеты; он сам пробежит его на досуге и скажет свое мнение. Но он все-таки наскоро перебрасывает листки рукописи, низко склоняясь к ним головой. Спрашивает -какой я фракции. Никакой, начинаю дело по личному почину.

— Так! — говорит он и отодвигает листки. — Я увижусь с Каменевым и переговорю с ним.

Все это занимает минуты три-четыре. Но тут вступает поэт, который давно уже нетерпеливо двигал ногами под креслом. Я очень доволен тем, что остался в роли наблюдателя, и приглядываюсь, не давая этого чувствовать.

Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские; таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Любимовского уезда Ярославской губернии. Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит

в фотографических ракурсах. Впрочем, на фотографиях удаются правдоподобно только английские министры, опереточные дивы и лошади.

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает близко к лицу короткие, тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся. Другие такие глаза я увидел лишь один раз, гораздо позднее.

От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнение к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в парижском Зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!» Разница оказывалась только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они — точно проколы, сделанные тоненькой иглой, и из них точно выскакивают синие искры.

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неоценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок — давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности.

Вот, кажется, и все. Самого главного, конечно, не скажешь; это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах. Я боялся, что мой поэт никогда не кончит говорить, и по этому встал и откланялся. Поэту пришлось последовать моему примеру. Мрачный детина опять выпустил нас в щелочку. Тут я заметил, что у него через весь лоб, вплоть до конца правой скулы, идет косою багровый рубец, отчего нижнее веко правого глаза кажется вывороченным. Я подумал: «Этот по одному знаку

может, как волкодав, кинуться человеку на грудь и зубами перегрызть горло».

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и... испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им.

В сущности, — подумал я, — этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю.